

Цзян Чжаосюэ совершенно не помнила, просыпалась ли она ночью. Изматывающее светское общение выпивало все силы, и ей казалось, что сколько бы она ни спала, этого всё равно мало.

Когда она открыла глаза в следующий раз, солнце уже стояло высоко. Шторы были плотно задернуты, лишь в узкие щели по бокам пробивался мягкий свет.

В этом полумраке Цэнь Лубай, облаченная в ночную сорочку и накинутый поверх кардиган, сидела на краю кровати, подогнув под себя длинную ногу. Ее длинные ресницы были опущены, а тонкие пальцы легко скользили по экрану планшета. Ее силуэт казался размытым и нежным.

Цзян Чжаосюэ, опираясь на локоть, приподнялась.

Словно почувствовав движение, Цэнь Лубай повернула голову. В ее глазах играла легкая улыбка.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

Цзян Чжаосюэ потянулась за часами, оставленными на прикроватной тумбочке, и надела их. Было уже девять с лишним.

— Прошу прощения, проспала, — смущенно произнесла она.

Хотя в клане Цэнь не было строгих правил относительно ранних подъемов, за последние несколько дней Цзян Чжаосюэ ни разу не видела, чтобы кто-то вставал позже Цэнь Хаоши, который завтракал в восемь тридцать.

Цэнь Лубай лишь спокойно улыбнулась:

— Ничего страшного, спешить некуда.

Она снова отвернулась и, опустив взгляд, продолжила неспешно просматривать информацию на планшете, будто ее и впрямь ничего не беспокоило.

Только тогда Цзян Чжаосюэ успокоилась.

Она встала с кровати и направилась в гардеробную выбирать одежду. Поскольку их брак был лишь игрой на публику, она не могла каждый раз привозить с собой багаж, словно путешественница. В первый же вечер в усадьбе Бэйшань Цэнь Лубай сама предложила ей помощь и пообещала, что всё будет готово. Цзян Чжаосюэ думала, что та подготовит пару дежурных нарядов, но никак не ожидала, что Цэнь Лубай все продумала заранее: в гардеробной, не привлекая лишнего внимания, она отвела для нее половину пространства, где аккуратно висела одежда ее размера — от головных уборов до обуви, всё по сезону.

Цзян Чжаосюэ замерла в изумлении. Цэнь Лубай же небрежно заметила:

— В клане Цэнь есть личные стилисты, которые подбирают гардероб к каждому сезону. Ты теперь часть семьи, так что это само собой разумеется.

Цзян Чжаосюэ лишь промолчала. Что ж, масштабы их жизни действительно впечатляли.

Пока она в гардеробной тщательно подбирала наряд, она заметила, что Цэнь Лубай тоже встала с кровати, налила воды и теперь с некоторого расстояния наблюдала за ней.

Когда Цзян Чжаосюэ закончила, она увидела, как Цэнь Лубай нажала кнопку автоматических штор, впуская в спальню яркий солнечный свет. Вся прежняя мягкая неясность теней растворилась в сиянии дня.

После того как они привели себя в порядок, они спустились вниз.

В гостиной, где принимали гостей, уже было полно народу — люди отдыхали после завтрака. Цэнь Хаоши и Чжуан Синьюнь, тетушка Цэнь Лубай, сидели на почетных местах на диване. Цзян Чжаосюэ и Цэнь Лубай вежливо поинтересовались, все ли уже позавтракали. Все подтвердили, что да. Исключением стала лишь Цэнь Яо, которая с усмешкой подколола: — Невестка, сестра редко позволяет себе понежиться в постели, видно, было очень тепло. — Получив в ответ холодный взгляд Цэнь Лубай, она тут же замолчала, и больше никто не проронил ни слова о позднем подъеме Цзян Чжаосюэ.

Глядя на то, как Цэнь Яо мгновенно стала послушной, Цзян Чжаосюэ почувствовала одновременно и легкое веселье, и жар в щеках. Она поняла, что Цэнь Лубай действительно дождалась ее, чтобы спуститься вместе.

Пока она не спеша завтракала, в гостиной вдруг поднялся шум — должно быть, пришли новые гости. Цзян Чжаосюэ с сомнением посмотрела на Цэнь Лубай, но та оставалась невозмутимой:

— Не обращай внимания, доедай спокойно.

Цзян Чжаосюэ было неловко, поэтому она явно ускорила, чтобы больше не заставлять Цэнь Лубай ждать. Глаза Цэнь Лубай на мгновение блеснули, и, не желая отвергать добрые намерения жены, она с улыбкой тоже начала есть чуть быстрее.

После того как они прополоскали рот и поправили макияж, они снова вернулись в гостиную. Там действительно прибавилось людей, в основном незнакомых мужчин средних лет. Журнальный столик был заставлен изысканными подарочными коробками. Мужчины курили, выпуская клубы дыма, но, увидев Цэнь Лубай, все как один поднялись со своих мест, чтобы поприветствовать ее, скрывая за вежливостью явное почтение.

Цзян Чжаосюэ почувствовала запах табака и невольно нахмурилась.

Цэнь Лубай, держа ее за руку, подошла к гостям. Вежливо поприветствовав всех, она повернула голову к Цзян Чжаосюэ и совершенно естественно произнесла:

— Разве твой научный руководитель не просил тебя сдать диссертацию? Ты еще не закончила? Опять хочешь схалтурить?

В ее голосе слышалась близость и легкое отеческое сетование.

Цзян Чжаосюэ замерла. Гости на диване, люди проницательные, тут же дружно рассмеялись. Они начали наперебой проявлять участие к Цзян Чжаосюэ, советуя ей не задерживаться здесь и скорее заняться делами, чтобы не расстраивать руководителя и не получить замечаний.

Щеки Цзян Чжаосюэ мгновенно вспыхнули. Она хотела что-то сказать, но, встретившись взглядом с Цэнь Лубай, увидела, как та едва заметно кивнула.

Цзян Чжаосюэ поняла ее доброту. Ее глаза ярко блеснули, но она постаралась не подавать виду. Сдерживая смущение, она одарила присутствующих уместной улыбкой, в шутку попеняла Цэнь Лубай за то, что та выдала ее секрет, а затем, обменявшись парой вежливых фраз с гостями, удалилась наверх.

Как только она оказалась в комнате, уголки ее губ поползли вверх. Она не удержалась и оглянулась на лестницу, откуда уже не было видно Цэнь Лубай, и искренне улыбнулась.

Тонкая нить лжи действительно помогла ей выбраться на берег. Но порой она ловила себя на мысли, что согласиться на сотрудничество с Цэнь Лубай было совсем не плохой идеей.

Возможно, это было лучшее, что случилось с ней за последний год.

Легкой походкой она вошла в кабинет и, как и советовала Цэнь Лубай, посвятила утро своей диссертации, которая на самом деле не требовала такой спешки. Это были самые спокойные и свободные часы за последние несколько дней.

*

В два часа дня Цзян Чжаосюэ проснулась от послеобеденного сна в спальне Цэнь Лубай. Приближался пик прихода гостей, и она чувствовала, что негоже все время прятаться наверху. Преодолевая сонливость, она переоделась и приготовилась спуститься вниз, чтобы поддержать уже полностью готовую к приему Цэнь Лубай.

Цэнь Лубай взяла свое длинное пальто, перекинула его через локоть и вдруг спросила:

— Поедешь со мной?

Она убрала прядь волос за ухо, обнажив белую, чуть порозовевшую мочку, и слегка улыбнулась.

Цзян Чжаосюэ не сразу поняла:

— М?

Цэнь Лубай повернулась, чтобы взять ключи от машины, и, закусив губу, поддразнила:

— Или ты больше хочешь остаться внизу, пить чай и болтать с гостями?

Цзян Чжаосюэ:

— ...

Конечно, она этого не хотела.

Ее ресницы дрогнули, сердце радостно забилося, но внешне она постаралась сохранить сдержанность:

— А можно?

Ответ прозвучал уклончиво, но в глазах светилось ожидание.

Улыбка Цэнь Лубай стала глубже. Она естественно подняла руку, на мгновение замерла в воздухе, а затем достала из гардеробной пару меховых наушников и протянула ей:

— Можно. На улице может быть прохладно.

Наушники были пушистыми, снежно-белыми, они идеально подходили к ее кремовому пальто и выглядели гораздо изысканнее тех, что она купила у Ван Пина.

Цзян Чжаосюэ протянула руку, принимая подарок, и улыбнулась:

— Спасибо.

Ее радость была настоящей.

Взгляд Цэнь Лубай потемнел, но она больше ничего не сказала.

Отправив сообщение Цэнь Яо, она вместе с Цзян Чжаосюэ спустилась вниз, перекинулась парой слов с гостями в гостиной, а затем, совершенно открыто и уверенно, увела Цзян Чжаосюэ из виллы.

Как только они вышли, фальшивый шум и суета остались позади. Навстречу им подул свежий холодный воздух, и Цзян Чжаосюэ почувствовала, как всё ее тело расслабилось, а накопившаяся за эти дни усталость в одно мгновение наполовину исчезла.

Она села в машину вслед за Цэнь Лубай. Только когда усадьба Бэйшань осталась далеко позади, а за окном замелькали незнакомые пейзажи, она спохватилась:

— Куда мы едем?

Ее глаза сияли, как роза, омытая росой и вновь распустившаяся.

Цэнь Лубай взглянула на нее, в глубине ее глаз теплилось тепло:

— Не поздновато ли спрашивать?

Услышав расслабленный, насмешливый тон Цэнь Лубай, Цзян Чжаосюэ тоже успокоилась.

— Ничего, — улыбнулась она. — Я ведь недорого стою.

Цэнь Лубай тоже улыбнулась, ее красные губы слегка изогнулись, смягчая холодные линии лица.

Зимнее послеобеденное солнце пробивалось сквозь стекло, играя на их лицах.

— В одно тихое местечко, — пояснила она.

Цзян Чжаосюэ не стала спорить. Она любовалась пейзажем, полностью погрузившись в отдых.

Красные фонари на придорожных деревьях быстро мелькали за окном. Машина выехала из шумного центра и постепенно погрузилась в тихий коттеджный поселок.

Дома здесь были отдельно стоящими, довольно старыми, в западном стиле — трехэтажные постройки с плоскими крышами и террасами. Бело-серые стены хранили следы времени, но район был очень зеленым, с низкой плотностью застройки. Между виллами было много пространства, и, помимо ровных дорог, всюду виднелись ухоженные газоны, вечнозеленые

деревья и кустарники.

Здесь действительно было очень тихо и уютно — идеальное место для жизни.

Цэнь Лубай привычным движением припарковала машину у ворот, выложенных из камня, и сказала:

— Приехали.

Цзян Чжаосюэ вышла из машины.

Цэнь Лубай пояснила:

— Раньше я жила здесь некоторое время. Потом дом пустовал. Тетушка, которая за ним присматривала, состарилась и уже не могла работать в усадьбе Бэйшань, поэтому я попросила ее переехать сюда и присматривать за этим домом.

— Если захочешь побыть одна, поболтать или если устанешь от приемов, можешь прямо здесь уединиться в гостевой комнате или почитать в кабинете. Там есть интернет, я и сама иногда здесь ночую.

Цзян Чжаосюэ кивнула.

Цэнь Лубай ввела пароль и открыла дверь. Цзян Чжаосюэ огляделась и вдруг заметила вдалеке, наискосок от виллы, высокое сливовое дерево.

Среди зелени этот единственный ярко-красный цветок, гордо распустившийся на холоде, выглядел невероятно живым и притягательным.

Цэнь Лубай вошла в дом, но, не услышав шагов позади, обернулась и увидела, что Цзян Чжаосюэ замерла, глядя на цветущую сливу.

Цэнь Лубай, сохраняя невозмутимость, спросила:

— Зайдешь?

Цзян Чжаосюэ обернулась:

— Да, конечно.

Они вошли внутрь, но, пройдя пару шагов, Цзян Чжаосюэ не удержалась и снова оглянулась, задумчиво произнеся:

— Это дерево так похоже на то, что я видела возле дзен-кельи на горе Цинфэн.

И ствол, и форма кроны, и то, как раскинулись ветви — всё было точно таким же.

Цэнь Лубай, словно небрежно, тоже обернулась и посмотрела на дерево, не меняясь в лице:

— Наверное, все красивые сливы похожи друг на друга.

Цзян Чжаосюэ еще раз взглянула на дерево, сомневаясь:

— Оу... — Но развивать эту мысль не стала.

Цэнь Лубай отвернулась, едва сдерживая улыбку.

Глупышка Мэнмэн.

<http://bllate.org/book/18697/1807089>